

Е. А. ЕФИМОВСКИЙ

Лекции В. О. Ключевского в жизни Московского студенчества

Когда семь лет тому назад мои товарищи и я впервые входили в Большую аудиторию старого университетского здания на лекцию по новой русской истории, мы все испытывали большое волнение. И это было весьма понятно: ведь вслед за нами в эту аудиторию должен был войти венчаный славою десятилетий маститый русский историк, человек — с именем которого было связано представление о научных традициях Московского университета. И когда он появлялся в аудитории, поднималась та буря оваций, всю силу коей может понять только тот, кто ее переживал. Овации сменялись полной тишиной, лишь только В. О. Ключевский приступал к чтению лекций. И тут объяснялось то рвение, с которым студенты всех факультетов стремились на лекции по русской истории: последняя не читалась, а воскрешалась историком: говорил ли он о Московской Руси и ее своеобразном укладе — вырисовывалось противоречие этого уклада и европейской образованности; касался ли характеристики отдельных деятелей, — они стояли, как живые лица; обращался ли к московскому быту — тотчас воскресали думные дьяки и бояре, а с ними сильный, но религиозно-задумчивый московский великий государь. Историк жил когда-то звучавшими мотивами, умел их подслушать и передать. Сама его наружность действовала на аудиторию: в длинном сюртуке, наглухо застегнутом, в очках, с старообразным русским лицом, он казался живым свидетелем минувших веков.

Но было бы ошибкой в студенческом энтузиазме видеть только пафос художественного спектакля. Источники его лежали гораздо глубже: ведь Ключевский читал лекции по русской истории в старейшем русском же университете, — а разве могут дети спокойно слушать гениальное повествование о многострадальных судьбах

своей матери? Здесь до меня говорили, что Ключевский первый вывел на сцену исторического исследования простой русский народ; отношение его к простому народу было проникнуто горячей любовью и заботой, и в этом смысле я бы сказал, что лекции Ключевского для слушателей были прекрасной демократической школой. В общем обзоре новой русской истории Ключевский говорил:

«По мере расширения территории вместе с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода. Напряжение народной деятельности глушило в народе его силы, на расширявшемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась подъемная сила населения».

«Просвещение стало сословной монополией господ, до которой не могло без опасности для государства дотрагиваться непросвещенное простонародие, пока не просветится».

«Дворянство эмансипируя снимает с себя тягчайшую повинность обязательной службы и не только удерживает свои старые права, но и приобретает новые. Крупица этих даров падает и на долю высшего купечества. Так всеми льготами и выгодами, какими могла поступиться власть, осыпаны были верхи общества, а на низы свалились только тяжести и лишения».

«Самовластие, являвшееся спутником социального неравенства, само по себе противно как политически принцип; его никогда не признает гражданская совесть».

А вот образ сильного человека, выросшего на почве самовластия: «Это властное лицо, заручившийся льготами землевладелец, светский либо духовный, или приятный при дворе правитель, крепкий верою в свою безнаказанность и достаточно бессовестный, чтобы быть всегда готовым, пользуясь своей мощью и общим бесправием, употребить силу над беззащитным людом, затеснить и избидеть многими обидами».

Любовь к народу и забота о нем сменялись у Ключевского едким сарказмом, когда в нем говорило оскорбленное национальное достоинство.

Не щадил Ключевский русских, чуждавшихся России: «Они вечно старались быть своими среди чужих и только становились чужими среди своих. В Европе в них видели переодетых татар, а у себя дома они казались родившимися в России французами: “вольтерьянцы” читали страницы о правах человека и мирились с девичьей, искренно считали себя вольнодумцами и шли на конюшню расправляться с неисправным слугой».

Словом, это был отвратительнейший цвет русско-французской цивилизации XVIII века».

Изложение лекции поднималось до трагического шепота, когда в Ключевском говорило оскорбленное национальное чувство при виде попиранья России иностранцами, и притом по вине власть имущих в России.

«При разгульном дворе, — говорит Ключевский о времени Анны Иоанновны, — увеселяемом блестящими празднествами, вся эта стая немцев кормилась досыта и веселилась до упада на доимочные деньги, выколачиваемые из народа».

Излагая историю разделов Польши, Ключевский прибавляет: «Вслед за этими разделами по рукам в Западной Европе ходила соблазнительная карикатура: коляска — в ней две дамы, на козлах — кучер. Прохожие обращаются к дамам с вопросом: — Куда вы едете? Они отвечают: — Куда повезет кучер. Этот кучер был — Фридрих король прусский».

И вот что замечательно, господа: мысли, высказываемые Ключевским, в мое время не были уже новостью; было немало в Москве и других блестящих лекторов, но никому не удалось так захватить аудиторию. Может быть, разгадку этого явления следует искать в горевшем национальном чувстве, часто отрицаемом, но в корне здоровом и всем нам присущем. Так в суровую политическую непогоду ярко горел в Московском университете свет научного знания, освещая невзгоды русской жизни и согревая сердца русской молодежи. Так маяк, зажженный в бурную непогодную ночь, бросает вокруг себя световые волны. Пусть воды не делаются глубже, пусть мели не делаются меньше, но виден путь! Корабль плывет и чаще всего доплывает к цели.

Господа! Всегда найдутся люди, которым свет противен, которые должны стараться его загасить. По отношению к лекциям Ключевского эту печальную роль взяла на себя университетская инспекция. На лекции Ключевского допускались только студенты 2-го курса — филологи. Но так как шли все, то происходили стычки с инспекторами и педелями, кончавшиеся вызовом к инспектору, выговором студентам и угрозой увольнения, если они опять пойдут на лекции Ключевского. Так, случалось, что в старейшем русском Императорском университете студенты подвергались репрессиям за то, что они хотели знать и любить историю своей родной страны. Этот факт меня интересует не сам по себе и не в его причине, а только в его следствии. Посещение лекции Ключевского, связанное с неприятностями, требовало гражданского мужества, становилось

политическим действием и вносило в университет чуждую ему политику. Понадобилось слишком три года влияния автономной профессуры, чтобы устранить этот элемент из посещения лекций Ключевского. Но такова была сила научных традиций университета и влияние свободной профессуры, что ни долгие годы реакции, ни экстаз революции не смогли их сломить. Мало-помалу на лекции Ключевского стали приходить лишь все, кто только и жаждал правды о прошлых судьбах России. Но эти лекции были уже последними. Ключевский тяжело занемог, курс оборвался — лекции его перестали играть роль в университетской жизни. Но судьбе угодно было еще раз связать имя Ключевского с лучшими традициями университета, на этот раз с трагическим символом. Когда в прошлом году лучшие силы университета вынуждены были покинуть его стены, они ушли не одни: на своих плечах из университетской церкви они вынесли со смертными останками гроб бессмертного Василия Осиповича Ключевского.

